

ПРОБЛЕМА СОВЕСТИ В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1

Герой романа «Подросток» пишет, что «все религии и все нравственности в мире» сводятся к одному: «Надо любить добродетель и убегать пороков» — и добавляет, что это только кажется легко, но на самом деле «самое трудное» (13, 66).

Пожалуй, его слова относятся и к заповеди «не убий». Наверное, «не убий» — мысль, которая всех проще, всех яснее, и, казалось бы, никто не может возражать против нее. Но, с другой стороны, до сих пор во всем мире люди не только продолжают убивать друг друга, но сражаются даже целые народы и государства. А в современном мире, когда многие государства имеют атомное оружие, третья мировая война означала бы гибель всех людей. В этих условиях «не убий» — это уже не просто абстрактная, а скорее злободневная мысль.

Кстати, Достоевский, который уже с первых произведений глубоко обдумывал проблему гибели людей (в романе «Бедные люди» много героев умирает в бедности, без всякого насилия), анализируя ожесточающийся мир, начинает обращать внимание на роль совести.

В повести «Ползунков» герой шутливо, *но по совести*, порицает взятку и несколько раз употребляет слово «совесть». В объявлении об издании журнала «Эпоха» мы читаем: «Всё более и более нарушается в заболевшем обществе нашем понятие о зле и добре, о вредном и полезном. Кто из нас, по совести, знает теперь, что *зло* и что *добро*?» (20, 218). Здесь значение слова «совесть» еще не так ясно, но уже приобретает более важную роль, чем раньше. А потом, начиная с романа «Преступление и наказание» и в последних романах, слово «совесть» употребляется часто, поскольку функционально становится все более и более значимым.

К концу жизни, рассуждая о нравственности, Достоевский высоко оценивает действия человека, который не совершил убийства, хотя убеждения призывали его к этому. По мысли писателя, человек умом бранит себя за трусость. Но высшее начало — совесть не позволяет ему совершить убийство. Значит, Достоевский приписывал совести спасительную функцию, которая останавливает убийство. Но Достоевский не только проповедовал спасительную функцию совести, но и задавал себе острый вопрос: «Почему нельзя убивать злых лю-

дей?» — и в своих художественных произведениях пытался разрешить этот вопрос.

Кстати, в романе «Преступление и наказание» слово «совесть» употребляется не так часто, поскольку оно имеет в понимании автора особо серьезное философское значение. Но при употреблении оно играет важную, иногда решающую роль. Например, в начале романа студент с жаром говорит офицеру, что он бы проклятую старуху убил и ограбил без угрызения совести. Слова его толкнули Раскольникова к преступлению. А позже студент задает вопрос своему собеседнику: «Говорят: „долг, совесть“, — я ничего не хочу говорить против долга и совести, — но ведь как мы их понимаем?» (6, 54). Студент не ответил на свой вопрос. Но Раскольников, который создал сходную теорию, довольно подробно определяет это слово, как бы дополняя слова студента. Таким образом, думается, что устами студента вопрос о совести поставлен в центр романа. И Достоевский вместе с читателями глубоко размышляет о понятии и функции совести.

С первого взгляда кажется, что в романе совесть играет только негативную роль: ведь в эпилоге находятся несколько выражений, которые отрицают этическое возрождение Раскольникова. Так, Достоевский пишет, что после суда Раскольников «строго судил себя», но «ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины». И к этому он добавляет монолог Раскольникова, заявляющего: «Совесть моя спокойна» (6, 417).

Слова эти смущают исследователей. Некоторые (Д. С. Мережковский, В. В. Кожин) принимают их дословно и даже утверждают, что Раскольников не раскаялся в своем преступлении. Но справедливо ли такое понимание? Нужно иметь в виду, что в художественных произведениях «да» — порою на деле «нет». При анализе выясняется, что в романе слово «совесть» употребляется в разных ситуациях: в размышлении Раскольникова о письме матери, в диалогах между Раскольниковым и Порфирием, между Раскольниковым и Свидригайловым, между Дуней и Свидригайловым, и даже в речи двух девиц с улиц. И разные герои понимают значение слова «совесть» неоднозначно. Даже у Раскольникова можно проследить два прямо противоположных понятия о совести.

Вот почему нам кажется важной попытка проанализировать интерпретацию слова «совесть», исследовать его функцию в романе «Преступление и наказание».

В сцене, о которой говорилось, студент с жаром утверждает: «За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!» (6, 54). И на возражение своего собеседника, что есть законы природы, студент утверждает, что природу поправляют и направляют: без этого человеку пришлось бы потонуть в предрассудках и ни одного великого человека не было бы.

Из слов его явствует, что, по его мнению, убить вредную старуху можно без угрызения совести, ибо «великий» человек имеет право переступить через кровь. Ему не надо обращать внимания на мне-

ния других, более обычных людей. Студент уравнивает по значению совесть и долг.

Аналогичные мысли встречаются у Раскольникова, который считает, что по закону природы человечество разделяется на два ряда, и «необыкновенный человек» имеет право по своей совести перешагнуть через труп, через кровь. Но, по его мнению, «необыкновенный человек» не только имеет право, а даже обязан пожертвовать жизнью людей «для своей идеи», для «великого» дела. И он подчеркивает, что «необыкновенный человек» «внутри себя, по совести, может (. . .) дать себе разрешение перешагнуть через кровь . . .» (6, 200. Курсив мой. — С. Т.).

Следует обратить внимание на два момента. Первый из них — тесная связь, которая существует для Раскольникова между совестью и долгом. Второй: Раскольников абсолютизирует собственную совесть, для него совесть его приобретает самостоятельность и безошибочность.

Эти особенности теории Раскольникова напоминают о «категорическом императиве» Канта. Кенигсбергский философ пишет, что «понятие долга (. . .) включает в себя понятие воли к добру».¹ И он определяет «формулу абсолютно доброй воли» следующим образом: «Двигайтесь по закону, который повысит человека до такой степени, где он может считать себя всеобщим законом природы».²

Обратим также внимание на то, что и у Канта, и у Фихте отрицается возможность ошибки, совершенной под влиянием совести. Кант пишет, что «ошибающаяся совесть — это нелогично»,³ и Фихте утверждает, что «совесть никогда не ошибается, не может ошибаться (. . .) Она не может осуждаться сознанием».⁴

Современный немецкий философ Г. Кун, цитируя эти теории, критикует их. Он утверждает, что «теория безошибочности совести слишком высоко ставит совесть, поэтому совесть перестает быть совестью»,⁵ и добавляет, что «любой мыслитель может определять совесть по собственному закону, и он считает ее настоящей совестью».⁶ Критика эта, пожалуй, глубоко связана с размышлениями Куна о нацизме, который создал ужасную теорию насилия и издевательства над человеком без угрозы совести. Она убедительно объясняет правильность опасения Достоевского, объявившего устами Разумихина, что «разрешение крови *по совести*» это страшнее, чем «официальное разрешение кровь проливать». Автор заставляет героев повторять слова «по совести», оба раза выделяя их курсивом.

В самом деле, с точки зрения Раскольникова, который считал своим долгом убить вредную старуху ради добрых целей, его пре-

¹ *Kant I Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // I Kants Werke Berlin, 1922 Bd 4 S 253*

² *Ibid S 296*

³ См. *Kuhn H Bedegnung mit dem Sein-Meditationen zur Metaphysik des Gewissens Tubingen, 1954 S 181*

⁴ *Ibid S 182*

⁵ *Ibid S 184*

⁶ *Ibid S 192*

ступление было естественным, логичным. Поэтому он не смог увидеть противоречия между своей логикой и своим поступком. Согласно своей теории, он не может найти также вину в совершенном преступлении. Перед тем, как явиться с повинной в полицейский участок, Раскольников говорит Дуне, что убийство такой вредной твари, как старуха-ростовщица, сосущая кровь бедняков, облегчает сорок вин. И в Сибири, вспоминая свое преступление, вначале верит, что «совесть его спокойна».

2

Итак, мы выяснили тот смысл, который вкладывает в слово «совесть» Раскольников. Следующая наша задача — проанализировать другое употребление этого слова, с иным значением.

Слово это употребляется в романе в первый раз не в разговоре студента с офицером, а в размышлении Раскольникова о письме матери. Там он употребляет его два раза.

Вспоминая слова матери: «Люби Дуню, а она тебя больше себя самой любит», герой думает, что «уж не угрызения ли *совести* ее самое втайне мучат за то, что дочь сыну согласилась пожертвовать» (6, 34). Далее, рассуждая о поступке Дуни, которая ради брата хочет пожертвовать собой и готова выйти замуж за нелюбимого, он продолжает размышлять так: «...мы, при случае, и нравственное чувство наше придавим; свободу, спокойствие, *даже совесть*, всё, всё на толкучий рынок снесем», и «Мало того, свою собственную казуистику выдумаем (<...>) и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо (<...>) для доброй цели» (6, 37—38. Курсив мой. — С. Т.).

Раскольников сознает, что в трудных случаях люди создают «свою теорию» и оправдывают свое решение, унижая «настоящую совесть». Это показывает, что он не мог критически относиться к своей теории, оправдывающей дурной поступок для доброй цели. Но он же мог сознавать и опасность подобной теории. В то же время примечательно, что здесь слово «совесть» имеет другой оттенок. В теории о праве «необыкновенного человека» жертвовать счастьем других *совесть* только связана с долгом, имеет абстрактный характер. Здесь же Раскольников объединяет понятие *совести* с нравственным чувством, замечает опасность отвержения *совести*.

Можно ли считать такое употребление слова «совесть» исключительным и единственным в романе? Если рассматривать только его употребление Раскольниковым, можно сказать «да». Если же принять во внимание употребление его другими лицами, то появляется и иная, новая трактовка слова «совесть».

Проанализируем, к примеру, употребление слова «совесть» Свидригайловым в разговоре с Раскольниковым. На вопрос Раскольникова: «Марфу-то Петровну вы тоже (<...>) уходили?» — Свидригайлов, избегая точного ответа, говорит, что его «собственная совесть в высшей степени спокойна на этот счет» (6, 215). И, добав-

ля, что из наследства жены часть подарит Дуне, подчеркивает, что делает это без всяких расчетов (6, 223).

Таким образом, Свидригайлов дважды употребляет слово «совесть», и мы замечаем, что если поменять местами слова «Марфа» и «старуха», то в его употреблении смысл слова «совесть» окажется очень близким к тому, как употребил Раскольников, который считал старуху вредным бесполезным существом, после убийства которого совесть его могла быть спокойна. Думается, что у Свидригайлова, который говорит Раскольникову: «Мне всё кажется, что в вас есть что-то к моему подходящее. . .» (6, 224), было близкое герою понимание слова «совесть».

Такая параллель с первого взгляда кажется парадоксальной: ведь Раскольников дошел до преступления для «справедливости», Свидригайлов же довел девочку до самоубийства и убил жену из-за своего сладострастия. Свидригайлов прямо говорит Раскольникову: «Разум-то ведь страсти служит. . .» (6, 215). Тем самым пример Свидригайлова, которого ненавидит Раскольников, глубоко обнаруживает неверность «идеи» Раскольникова. Притом употребление слова «совесть» Свидригайловым в напряженном диалоге с Дуней выявляет другой аспект понимания им вопросов нравственности.

Так, объясняя Дуне теорию ее брата, Свидригайлов намекает на его преступление. Дуня же спрашивает: «А угрыzenie совести? Вы отрицаете в нем, стало быть, всякое нравственное чувство?» (6, 378. Курсив мой. — С. Т.). Свидригайлов вместо ответа говорит: «. . . теперь всё помутилось. . .».

Здесь замечательно и то, что в приведенном разговоре вопрос о совести занимает почти центральное место, и то, что Дуня проводит параллель между совестью и нравственным чувством, критикуя теорию Раскольникова с точки зрения нравственного чувства. В итоге получается, что и Раскольников, и Дуня критикуют решение или поступок другого с точки зрения совести, тесно связанной с нравственным чувством.

Объясняя Дуне теорию брата и рассказав о преступлении Раскольникова, Свидригайлов уговаривает ее следующими словами: «Я говорил только к тому, что на совести вашей ровно ничего не останется, (. . .) если бы даже вы и захотели спасти вашего брата добровольно, так, как я вам предлагаю» (6, 381). Слова его по-своему правильны: поскольку Дуня ради брата согласилась без любви выйти замуж за Лужина, то она могла бы так же уступить требованиям Свидригайлова. Но она не принимает его трактовки совести и отказывает ему.

3

Итак, мы выяснили, что в романе «Преступление и наказание» есть два противоположных понятия «совести». Первое, как у Канта, тесно связано с понятием долга. Однако в сочетании с ложной теорией оно доводит Раскольникова до преступления. Второе же глу-

боко связано с нравственным чувством. Четко описывая ощущение Раскольникова, автор подчеркивает, что всегда чувство его было против решений разума. Но, слишком высоко ценя разум, он презирал чувство, не обращал на него внимания.

Добавим еще несколько слов о трактовке понятия «совести» в речи двух девиц с улицы, которые употребляют это слово. Первая обращается к Раскольникову со следующими словами: «Я, милый барин, всегда с вами рада буду часы разделить, а теперь вот как-то совести при вас не соберу», — и просит у Раскольникова денег. А другая, осуждая ее, говорит, что на ее месте она бы «от одной только совести провалилась...» (6, 123). Казалось бы, слова их совсем незначительны. Причём в употреблении их слово «совесть» звучит по-разному: первая употребляет его, чтобы оправдывать свое желание, а вторая принимает его к сердцу и говорит о совести серьезно.

Кстати, и Лужин употребляет слова «совесть» и «гуманное чувство». Но в речи его, как у первой девицы, эти слова не играют серьезной роли. Они употребляются им всего лишь как украшение речи.

В заключение посмотрим, как звучит слово «совесть» в устах Порфирия, считающего себя не только «конченным человеком», но и человеком «с сердцем и совестью» (6, 345). Он метко отмечает неправильное понимание смысла слова «совесть» Раскольниковым. Причем его слова очень логичны. Они приближаются к самой сердцевине «идеи» Раскольникова.

Порфирий спрашивает Раскольникова, что будет, если «необыкновенного человека» этого найдет полиция? Получив ответ, что «туда ему и дорога», он переспрашивает: «Ну-с, а насчет его совести-то?». Раскольников, раздражаясь, спрашивает: «Да какое вам до нее дело?». Но Порфирий спокойно замечает: «Да так уж, по гуманности-с», — и получает следующий ответ: «У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему...» (6, 203).

Обратим еще внимание на слова повествователя в эпилоге романа: «Но под конец он вдруг стал опять беспокоен; точно угрызенные совести вдруг начало его мучить» (6, 337). Итак, хотя Раскольников до этого полагал, что «совесть его спокойна», у него все же проснулись угрызания совести.

Выражение же повествователя: «ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно вины» — находится непосредственно перед описанием духовного возрождения героя. И к тому же повествователь определяет здесь слово «совесть» прилагательным «ожесточенная». Поэтому можно считать, что здесь автор говорит не о той совести, которая связана с нравственным чувством, а о совести, связанной с чувством долга.

Мы видим, что на вопрос, заданный студентом: «Как мы понимаем долг и совесть?», отвечает все действие романа. Анализируя теорию Раскольникова, Достоевский глубоко проникает во внутреннюю жизнь героя и мучающие его совесть «проклятые вопросы» и, указывая на опасность ошибочного рассудочного понимания совести, в то же время стремится показать важную спасительную функцию совести, связанной с нравственным чувством.

Особенно важен последний сон Раскольникова, где люди считали себя «неколебимыми в истине» и во имя этой «истины» убивали друг друга до тех пор, пока на Земле не осталось всего лишь несколько живых существ. Сон этот пророчески показывает важность *верного понимания совести* в современном мире, где государства имеют атомное оружие. Не случайно в конце романа Раскольников размышляет о Соне: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере. . .» (6, 422). Незадолго до смерти в записной тетради Достоевского появляются слова: «Инквизитор уж тем одним безнравственен, что в сердце его, в совести его могла ужиться идея о необходимости сожигать людей» (27, 56).